

ТВ и Сеть как производители феномена politics sexy

Статья посвящена politics sexy – весьма неординарному и достаточно специфическому явлению конца XX–начала XXI века – феномену сексуализированной политики (sexu – англ.: 1. сексуальный, эротичный; 2. привлекательный, модный; 3. классный, потрясающий). В России сексистская сексуализированная политика появилась на рубеже конца XX–начала XXI века, а вследствие особенностей культурно-исторического развития как массовое явление она возникла при помощи телевидения и Интернета.

Ил. 1

Во избежание недоразумений целесообразно с самого начала определить исходные понятия. Политика в эпоху Нового времени – специфический вид человеческой практики, а именно – управления государством и государственными делами. Политик, государственный деятель в нововременном понимании – это человек, профессионально занимающийся политической и государственной деятельностью.

Такой человек – в подавляющем большинстве случаев мужчина, но как бы лишенный в официальном дискурсе и даже во многом и в массовом сознании гендерных признаков, равно как и немногочисленные женщины – государственные деятели. Это наместник Бога на Земле или функция партии, функция какой-либо политической программы, а таковые бесполы по определению.

Конечно, политические деятели имеют не только супруг и супругов, но и внебрачные связи, и внебрачных детей/бастардов. За исключением древнеримских кризисных

периодов истории и возрожденческой эпохи периода XVI–XVIII веков (куртизанки, фаворитки), распространение этой последней информации так или иначе каралось, или, в более либеральные времена, она просто замалчивалась официозом, а брак официальных лиц имел прежде всего социальные, а не сексуальные коннотации.

Ил. 2.

Ил. 3.

Такое положение в Европе радикально изменилось примерно в 70-е годы XX столетия, после того, как сложился феномен контркультуры 1960-х годов с его важной составной частью – проповедью простоты, естественности, демократичности и сексуальной свободы. Тут возможно только кратко рассмотреть эти параметры контркультуры на примере творчества знаменитого ансамбля «The Beatles».

«Битлз» создавали образы простых ребят, работяг, с которыми можно попить пивка и уйти в пространство простых человеческих чувств, и это была неслыханная простота: «Был вечер после трудного дня, я вкалывал, как собака. Был вечер после трудного дня, мне бы заснуть мертвецким сном. Но когда я возвращаюсь домой, к тебе, я сразу прихожу в себя. Ты знаешь, я в полном порядке, когда я дома. Ты знаешь, я вкалывал целый день, чтобы заработать тебе денег. Ты готова дать все, что мне необходимо на этом свете. Вот почему я люблю возвращаться домой» («A hard day's night»; *переводы текстов песен здесь и далее – автора статьи; даются в сокращенном варианте – А.Я.*). Они пели о девчонке, «которая сводит с ума» и которая покидает любящего парня, а должна бы дважды подумать, прежде чем сделать это, и поступить по справедливости («Ticket to ride»).

Ливерпульская четверка приветствовала природную естественность, всякую настоящесть и презирала убегающих от нее: «Когда начинается дождь, они убегают и прячут головы. С таким же успехом они могли бы умереть, когда начинается дождь. Когда светит солнце, они ускользают в тень и потягивают там лимонад. Сможешь ли ты понять, что дождь и солнце – просто состояния души? Сможешь ли ты это понять?» («Rain»).

Битлы обращались прямо к слушателю, сломав отчужденность сцены и жизни: «Они говорили, что любовь – ложь и что я никогда не встречу человека, который бы меня полюбил. Я отвечаю им: вы правы, да, никто не полюбит меня. Но потом я смотрю на тебя – ты любишь, любишь по-настоящему» («It's for you»). Битлы верили: «Такая любовь, как у нас с тобой, никогда не умрет» («And I love her»). Они пели о девушке, покидающей родительский дом, в котором долгие годы чувствовала себя одинокой, и о родителях, не понимающих свою дочь: «Мы никогда не жили для себя, говорили они, мы всю жизнь бились, чтобы выкарабкаться, как же она могла так поступить? В чем мы ошиблись? Мы не подозревали, что ошибаемся. Счастье – единственная вещь, которую не купишь за деньги» («She's leaving home»). Битлы просто радовались: «Я влюблен в нее, и мне хорошо» («I feel fine»), мучились от ревности и умирали от любви («No reply»), рассказывали о чудесной девушке, встреченной на вечеринке («I saw her standing there»). Чувство одиночества знакомо им хорошо, но это не то одиночество, которое будет переживать следующее поколение как покинутость. Вот на холме одиноко живет человек. Никто не хочет с ним знаться, и все называют его дураком. Но дурак на холме видит закаты солнца. Никто не любит его, и все воображают, что достаточно сказать о нем: просто дурак. А он никому не открывает, что на самом деле чувствует, – но он видит закаты. «Он никогда их не слушает, он знает, что дураки – они» («The fool on the hill»).

Но обычно это их Я сливается с другими, образуя Мы, все чаще противопоставлены Мы – и Они. И хотя в большей части текстов речь идет от первого лица, существа дела это не меняет: доминирует такое Я, которое предполагает существование общности, Мы.

Кто эти Они? А это, к примеру, Человек-Нигде, человек-утопия, человек, которого нет, хотя он и существует. О нем поет ливерпульская четверка: «Он – настоящий Человек-Нигде, он сидит в своей нигде-земле и строит свои никакие планы ни для кого. Человек-Нигде, послушай, ты даже не знаешь, что теряешь, а ведь это – целый мир» («Nowhere man»).

Не в порядке тот мир, где живут Они: там обитают глухие Ты, в этом оглохшем и ослепшем мире. «Я смотрю на тебя и вижу любовь, спящую. А гитара моя нежно плачет. Я смотрю на пол и вижу: надо бы подмести. А гитара моя нежно плачет. Не знаю, почему никто не сказал тебе, как обрести любовь. Не ведаю, каким образом тобой управляют, но они купили и продали тебя. Мне неизвестно, каким образом тебя искалечили. Не знаю, как ты попал в кавычки» («While my guitar gently weeps»).

Навсегда ли мертво это Ты? Нет, конечно. Надо лишь новыми, «естественными» глазами увидеть свет, и тогда он станет другим, свободным и солнечным: «Любовь старая штука, любовь всегда новая штука. Любовь – это все, любовь – это ты» («Because»).

Обращаясь к Черной Птице, поющей глубокой ночью (это символ человека, живущего в мертвой части мира), битлы зовут ее расправить сломанные крылья и учиться летать –

«ведь всю жизнь ты только и ждал этой минуты полета, лети, Черная Птица! Открой глаза и учись видеть – ведь всю свою жизнь ты только и ждал этой минуты свободы» («Blackbird»).

Битловская вера, и любовь, и надежда уже не достались следующему поколению: «Длинная дорога, что ведет наперекор ветру к твоей двери, всегда существует. Я видел перед собою эту дорогу, она всегда вела сюда, к твоей двери. Дорога... Я часто бывал одинок и плакал. Ты никогда не узнаешь, по скольким дорогам я побродил... Дай мне найти ту, что ведет к твоей двери» («The long and winding road»).

Лозунгом движения хиппи, которое и выражало основные ценности контркультуры, стали слова «Make love not war» («Любите, а не воюйте»), «Sex & Drugs & Rock & Roll» («Секс, наркотики, рок-н-ролл»).

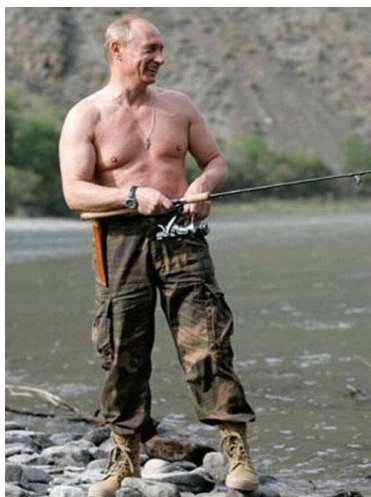
В семидесятые – восьмидесятые годы бунтари против истеблишмента и глашатаи простоты, естественности и демократизма 1960-х гг., как правило, вполне благополучно вписываются в этот истеблишмент, и следующее поколение не только протестует против того же буржуазного лицемерного благополучия, против которого так яростно протестовали «шестидесятники», но и обвиняет самих «шестидесятников» в том, что они стали «вельветовым андеграундом», «скопищем удачливых бунтарей на коленях, которые добились успеха, тем самым денег, заелись и продались, смирились и вписались». Более подробно с описанием феномена контркультуры и с тенденциями ее последующего развития можно ознакомиться в работе Г.С. Кнабе [1].

Да, «шестидесятники» повзрослели, смирились, посолиднели, а поколение политиков 1970–1980-х формировалось на Западе именно из людей, в молодости ратовавших за «простоту» и сексуальную свободу. Видимо, именно это обстоятельство и создало предпосылки для появления и расцвета сексуализированной политики – politics sexu.

В англосаксонских странах сегодня все еще, согласно общественному мнению, сексуальная жизнь и вообще телесность политических деятелей должна быть под большим или чуть меньшим запретом, причем именно жизнь, а не публичное распространение информации о ней, и ситуация здесь двойственная: с одной стороны, согласно общественному мнению, частная жизнь есть личное дело каждого, не подлежащее обнародованию, однако, с другой стороны, подлежит охране только «правильная» частная жизнь – в официальном браке; излишне напоминать, что контролером тут опять же выступает общественное мнение, которое немедленно начинает обсуждать и осуждать «неправильную» частную жизнь, достаточно вспомнить историю Клинтона и Левински. А в Европе политики в содружестве с медиа стали все чаще добавлять в свой имидж сексуально окрашенные тона, вплоть до того, что политик теперь зачастую и прежде всего – это его тело и его сексуальные приключения. Политики обнажились. Официальные фотографии и телесъемочные бригады, не говоря уж о

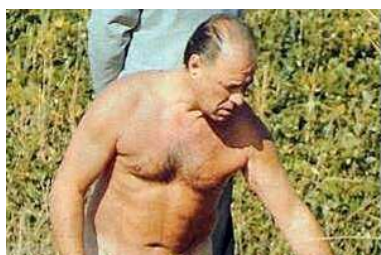
Ил. 4. Барак Обама.

Ил. 5. В.В. Путин.

Ил. 6. В.В. Жириновский.

Ил. 7. Сильвио Берлускони.

папарацци, все охотнее снимают раздетых политиков. Известны фото и телекадры Барака Обамы, Била Клинтона, Александра Лукашенко, Виктора Ющенко, Юрия Лужкова, Гавриила Попова, Владимира Жириновского – все они снимались в трусах, Берлускони – без трусов, Владимира Путина, раздетого по пояс, на рыбалке или верхом на коне, и т.д.

Причем, что следует подчеркнуть еще раз, такие фото- и телекадры размещаются и демонстрируются не только в «желтых» СМИ, но и во вполне уважаемых изданиях и на телеканалах с хорошей репутацией. Разделение на частную и публичную сферы жизни исчезает на глазах – частное становится публичным.

Во Франции еще до скандала со Стросс-Каном выходит книга «Секс и политика». И это – «не слив компромата, а серьезная книга, которая основана на беседах журналистов со многими бывшими и ныне действующими политиками. Почти никто из “героев” не отказался от встречи с авторами, и никто не подал на них в суд после ее выхода в свет. Все ныне живущие герои, видимо, остались довольны тем, что обнародовали их амурные похождения» [2].

В Рунете существует и краткий список мировых «политиков, поплатившихся за секс»: это директор-распорядитель МВФ Доминик Стросс-Кан, глава итальянского правительства Сильвио Берлускони, 42-й президент США Билл Клинтон, бывший вице-премьер Малайзии Анвар Ибрагим (подозревается в гомосексуальной связи), президент ЮАР Джейкоб Зума (изнасилование ВИЧ-инфицированной, обвинения сняты после расследования), бывший президент Израиля Моше Кацав (изнасилование и принуждение подчиненных к сексу), бывший президент Зимбабве Канаан Соди́ндо Банана (отсидел за «содомию и другие сексуальные извращения») [3].

Что касается российских политиков, то и тут нет недостатка в соответствующих темах ТВ и Рунета: «Скандал в Храме Христа Спасителя», «Очередные выступления FEMEN»,

«Секс-символы российской политики», «Секс-символ российской разведки Анна Чапман», «Самые сексуальные женщины-политики в России», «Единороссы лоббируют порнуху», «Российская космическая программа вновь под угрозой»:

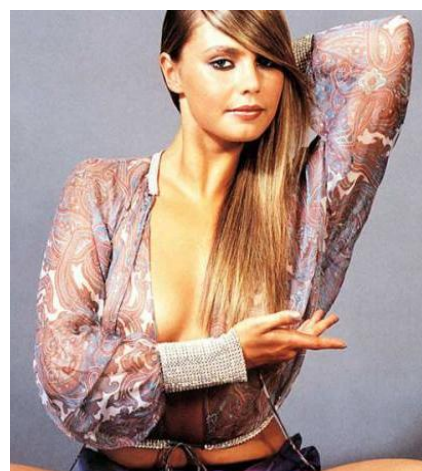
«Жестоко избит в пьяной драке глава Роскосмоса Владимир Поповкин. Сотрясение мозга и сломан нос у его подчиненного – замгендиректора ФГУП “Звездный” Александр Парамонов получил бутылкой по голове. Тоже – пьяная драка. Оказывается,

Ил. 8. Анна Ведищева.

Международный женский день в Роскосмосе начали праздновать еще 6 марта. Упились и устроили драку из-за пресс-секретаря руководителя космического ведомства некой Анны Ведищевой» [4]. Бывшая модель Анна Ведищева, пресс-секретарь Роскосмоса, никогда прежде не работала в PR.

Еще заголовок: «Миллионеры и члены правительства прошли в Госдуму. Попала и “депутат из Playboy” Мария Кожевникова». Сообщая эту же новость, другое издание напоминает о депутате Госдумы пятого созыва Алине Кабаевой, также позировавшей обнаженной для журналов Maxim, «Караван историй» и «Медведь». И это не единственные в парламенте звезды эротических изданий.

Ил. 9. Алина Кабаева.

Ил. 10. Светлана Хоркина.

В предыдущей Госдуме судьбы России решали гимнастка Светлана Хоркина, которая позировала в кружевном нижнем белье для журнала Maxim, чемпионка по конькобежному спорту Светлана Журова, снявшаяся топлесс для GQ. Мастер спорта по боксу Наталья Карпович, также депутат пятой Госдумы, «снималась голой по пояс, но прикрывала свои прелести боксерскими перчатками» [5].

Стоит напомнить и о календаре в поддержку В.В. Путина с полуголыми девицами, который был вполне одобрительно, как кажется, воспринят официальными властями. В

прессе и на телевидении то и дело мелькают кадры с президентом/премьером/президентом РФ с обнаженным торсом и целующим разнообразных персон.

Интересно, что за ельцинским падением в речку с букетом в иной стране немедленно последовала бы как минимум отставка. А вот его преемник высказывается с очень специфическим юмором об израильском насильнике: «В 2006 году, на встрече с премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом, Владимир Путин неожиданно для всех заявил: “Привет передайте своему президенту! Оказался очень мощный мужик! Десять женщин изнасиловал! Я никогда не ожидал от него! Он нас всех удивил! Мы все ему завидуем!” Тогда смутившийся подобными словами Ольмерт ответил: “Кацаву сейчас лучше не завидовать”. И был, несомненно, прав. Сейчас, после оглашения обвинительного приговора, вряд ли российский премьер высказался бы так же. Едва ли можно позавидовать человеку, приговоренному к 7 годам тюремного заключения» [6].

При этом печатные СМИ и Интернет упорно муссируют слухи о внебрачных связях и внебрачном ребенке лидера, а официальные лица никак не опровергают эти слухи.

Является ли российская politics sexu тем же феноменом, что и европейская?

Чтобы понять существенное отличие сложившегося на наших глазах феномена сексуализированной политики в России от европейского, сделаем краткий экскурс в историю сексуальности.

Сегодня понятно, что всякая телесность и всякая сексуальность – это духовно-культурный код. Отношение к ним определяется не природными факторами, не биологией, а культурой. Бывают общества, где поощряется высокая степень обнаженности и публичная сексуальность, но обнаженность и сексуальность могут иметь очень разную семантику: ритуальную, мифологическую, эстетическую, от религиозного культа фаллоса и непристойных с современной точки зрения сюжетов на античных монетах и вазах до светского культа спорта и здорового тела. Само по себе тело и его отправления могут считаться естественными и прекрасными, а могут – греховными, грязными, отвратительными. С пониманием телесности связаны, в свою очередь, многие явления культуры. Так, ночная сорочка появляется в Средние века, ибо даже наедине с собой человек стыдится своего тела. Код телесности поощрял в Европе моду на высокие и сложные прически, которые для прочности заливались парафином и носились годами, от чего дамы, кстати сказать, не имевшие привычки мыться, обзаводились неразлучно с ними обитавшими насекомыми, и зуд бывал нестерпим. Собственно, как и запах тела. И это было нормой.

Уже в Античности, при всей пестроте разных периодов в отношении поведения мужчин, пользовавшихся услугами гетер, женщин-патрицианок, занимавшихся проституцией, в связи с чем некоторые римские императоры были вынуждены издавать специальные указы, запрещавшие это знатым дамам, при широко распространенном

гомосексуализме и педофилии, считавшейся хорошим воспитательным средством, появляются идеи о сексуальном удовольствии как зле и о сексе как болезни. Указывали, например, на сходство полового акта с эпилепсией, истерией и другими конвульсивными состояниями. Однако встречаются и античные рекомендации использовать половую активность как средство против эпилепсии.

В эпоху Средних веков сексуальность, репрессированная официальной идеологией, прорывалась как ересь, как карнавальный разгул – и как чистый садизм; существуют свидетельства о том, что присутствовавшие при пытках инквизиторы испытывали оргазм, наблюдая за мучениями жертв.

Новое время занялось интенсификацией тела – появляется культ здоровья, телесности, но одновременно продолжается и патологизация тела и интимного акта: и в поздние времена сама по себе сексуальность, а тем более ее вариации будут считаться основной болезнью, если не самой болезнью, и быть под постоянным подозрением.

Как же складывался и развивался советский код телесности и сексуальности?

Он пришел на смену коду традиционному, патриархальному (тут не рассматриваются культурные коды языческой Руси), где, с одной стороны, нагота была под запретом, в большей или меньшей степени нарушавшейся модой нобилитета с ее обтягивающими панталонами или глубоко декольтированными бальными платьями, с другой – смеховым атрибутом, с третьей же – сакральным символом духовной правды-истины, открытости и чистоты (нагота как «костюм» юродивого) [7]. Сексуальность так или иначе и в среде нобилей, и в народной среде считалась греховной, однако во второй половине XIX столетия и в особенности в период Серебряного века ситуация меняется, во всяком случае в интеллигентской среде: прикровенное становится откровенным, «жизнь втроем» или гомосексуальность, равно как и бисексуальность, начинают считаться признаком высокообразованной личности, особой духовности, а в философии и публицистике рождаются идеи «святой плоти», «Третьего Завета», дионисийства и слова В.В. Розанова: «И вот я нарисовал бычьи ова. Кои люблю как производителя “ребят во всем мире”. Корень-то не в женщинах, а в быке. Женщина – пустота, темнота, глухое: пока на нее не вскочил бык. Но бык вскочил: и мир расцветает. Посему в ова его я начертил цветок. Вот этот-то “цветок в я...” и есть суть всего. А посему и целовать, собственно, надо не женщин, а я... быка»; «О, как я хочу разврата. О, как я хочу страсти быков. О, не обращайтесь внимания на протесты женщин. Они притворяются. Насилуйте их: это единственно, что они от вас желают. Бык: хочешь ли ты. Это единственное важное. А если “она” и не хочет, овладей ею. Бык хочет – и мир хочет. Это я и нарисовал» [цит. по: 8].

После событий 1917 года складывался новый тип культуры – советский, знавший разные периоды, способные существенно различаться между собой. «Советская культура, вытеснявшая тему секса и чувство индивидуальной телесности из каких-либо официально

признаваемых дискурсов, нашла весьма остроумный способ трансформации темы преодоления половых различий в новых ипостасях коллективной телесности. Созданный Владимиром Маяковским хрестоматийный образ партии как коллективного “миллионнопалого” тела – не просто метафора. В универсализме советской культуры тело и пол колонизируются идеологическим продуцированием коллективных форм телесности, общей для всех. И даже интимное находит свое проявление внутри характерного идеологического дискурса. Видимо, именно эта особенность открытия телесности в советской культуре позволила Евгению Евтушенко соединить основания интимности с коммунистическим идеалом (“Коммунизм для меня – самый высший интим, а о самом интимном не треплются”). Обратной стороной колонизации интимности оказалась утрата оснований индивидуальной жизни» [9].

В первые годы советской власти проповедовался аскетизм, особый тип телесности, развоплощающейся: правильное тело – это отсутствующее, минимизированное тело. Ему, минимизированному, практически не надо еды. Ему не нужно туалетов, оно не должно отправлять никаких естественных надобностей – туалетов в Советском Союзе и не будет или они будут чудовищны по своей технологии, часто просто «очко», яма, вырытая в земле, и по своему антисанитарному состоянию. Когда в 1930-е годы на Трубной площади в Москве поставили общественную уборную, это вызвало возмущение официоза, и ее немедленно снесли: «Строение, поставленное здесь, сделано не только грубо, но и уродливо и бесталанно <...> можно было бы, конечно, где-нибудь в стороне поставить и уборную, – нехотя признает “Архитектурная газета”. – Но зачем же безобразить бульвар и площадь? Каждая мелочь в строительстве должна приближать нас к прекрасному, бодрому, величественному» [цит. по: 10]. Одежда – продолжение тела и модель мира: долой и ее вместе с телом (при запрете наготы). Для репрессированного тела – свои коды: военизированные, рубахи и порты, френчи для чиновников – и невероятная грязь, везде и повсюду. Эта грязь – кладбищенская – концептуальна: попытка атеистическим образом развоплотить человека. И вещи, и тела. История советского нижнего белья прекрасно исследована в книге О. Гуровой [11] и наглядно свидетельствует о стремлении элиминировать или минимизировать телесность. Бытовая вещь продолжает быть отпечатком внутреннего мира, каковым в России, как указывает Г.С. Кнабе, она стала с середины XIX века, однако отпечатком чрезвычайно своеобразным: чем меньше бытовых вещей и чем они беднее, тем достойнее их владелец. Сексуальная мораль от идей Александры Коллонтай «Свободу крылатому Эросу!» до бытовой «теории стакана воды» довольно быстро уступила место официальной моногамии и псевдовикторианской модели советского разлива. Происходит это на рубеже 1930-х годов, когда вся официальная идеология поворачивается к консервативным, прежде именовавшимся буржуазными устоям.

Как писал В. Паперный, «культура 1 (1920-е годы – А.Я.), старавшаяся уничтожить разницу между мужчиной и женщиной, казалась культуре 2 (примерно 1930-е – середина 1950-х годов – А.Я.) чересчур “холодной” и “бесполой”. Культура 2 противопоставляет этому повышенную плодовитость. Культура начинает различать мужчин и женщин <...> промышленность осваивает выпуск двуспальных кроватей». И далее: «В 1925 г. Президиум ЦИК обращался к женщинам Востока с призывом бороться “со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой” <...> В культуре 2 как будто бы звучит обратный призыв – отношение к женщине приобретает восточные черты <...> Новое понимание индивидуальности и новое отношение к семье любопытным образом проявились в отношении культуры 2 к слову “интимный”. Интимность была в 20-е годы едва ли не бранным словом», а в 1930-е и позже понятие и слово обретают легальность [12]. И очень важное: «тот факт, что культура 2 постоянно противопоставляет предыдущей культуре свою повышенную половую активность, заставляет думать, что в культуре 1 все-таки присутствовали некоторые элементы того мироощущения, которое в конце XVIII–XIX веках выразилось в идеологии скопчества» [12].

В 1940–1950-е годы основными тенденциями в быту и в искусстве становятся «живое» в противоположность «пафосу механического», свойственного предыдущей эпохе (если использовать тут терминологию В. Паперного: «С точки зрения культуры 2 нет ничего естественного, всякое событие искусственно в том смысле, что за ним стоит чей-то добрый или злой умысел» [12]), разнообразное, плодородное, чувственное, изобильное и в этом смысле «искусственное», чрезмерное, «с излишествами», избыточное, сначала с «народным» уклоном (вышивки, искусственные цветы в городских квартирах), потом – с «аристократическим» (фарфор, хрусталь, ковры, пальмы в кадке), женщины по возможности наряжаются в пышные юбки «колоколом». Однако разрешенная мода на чувственное изобилие не коснулась идеологических установок в отношении сексуальной морали, здоровая физиологическая бодрость, радость, секс и чадородие разрешались и поощрялись только в семье, хотя де-факто регистрация брака долгое время была факультативной практикой (с 1936 по 1955 год аборт были запрещены, однако в общественном мнении статус матери-одиночки, мягко говоря, не приветствуется). Зато после войны многие супружеские пары, долгие годы прожившие вместе без официального оформления брака, теперь его регистрируют в загсах, и устраиваются разборки на партсобраниях «за аморалку» (далее, в относительно более мягкие позднесоветские годы публичные разборки частной жизни сменяются исчезновением в характеристиках с места работы, даже при простом официально разрешенном разводе работника, фразы-метки «Морально устойчив»). На улицах и комсомольских собраниях преследовали «стиляг», молодых людей, пытавшихся следовать западной моде, отголоски которой доносились из-

за «железного занавеса» – искореняли «разврат»: такую молодежь считали подвергшейся «тлетворному влиянию Запада», «разложившимися элементами».

В 1960-е годы входит в моду «суровый стиль» – керамика вместо хрусталя, эстампы вместо картин, свободные, «голые» поверхности вместо салфеточек и скатертей, «маленькое платье», женские брюки, образ Твигги – девочки-подростка. На Западе в это время бушует сексуальная революция, порою действительно принимавшая асоциальные формы, что не отменяет значимости этой эпохи контркультуры в истории европейского общества. А в СССР общественная нравственность только начинает привыкать к открыто выраженным мнениям о том, что супруг может быть не первым партнером, а до/без свадьбы тоже бывают сексуальные связи, которые необязательно представляют собой нетерпимую разнузданность. Через фарцовщиков доставали джинсы, и это была порицаемая форма одежды: как в 1950-е годы осуждались узкие штаны «трубочкой», а потом, напротив, – брюки широкого кроя, так в 1960-е годы джинсы вызывали жгучие подозрения, тут и «разлагающее» влияние Запада, и недопустимо облегающая одежда – «неприличная»; неявно «стиляжничество» связывалось в сознании начальства с «роком, сексом, наркотиками». Отечественная легкая промышленность в это время выпускала бесформенные брюки и широкие рубахи, а молодым хотелось носить приталенные, по фигуре, рубашки и обтягивающие зад «ковбойские» штаны. В советских магазинах иногда «выбрасывали» вполне аскетичный трикотаж, и «достать» его считалось большой удачей. Появились капроновые и нейлоновые чулки и колготки, однако еще и в 60-е старшеклассниц не пускали в школу в таком виде, заставляли носить чулки «в резиночку» с невероятно неудобным поясом-грацией, к которому были пришиты длинные резинки с застежками.

В 1960–1970-е годы, вопреки официозу, происходит деидеологизация образа маскулинности: достоинства «настоящего мужчины» перемещаются из публичной сферы в частную, это мужская дружба, духовные поиски, культ общения [13].

В 1970-е и 1980-е годы опять вспыхнула борьба с «потребительством» – имея корни в традиционном интеллигентском презрении к материальному (понятно, зачастую вынужденному), кампания была поддержана и сверху, властями. По ведомству «потребительства» проходили картины в золоченых багетах, хрусталь, ковры, то, чем обустроивал свою жизнь обыватель.

Но при всех метаморфозах советского отношения к телесности одной из корневых, базовых основ массового менталитета оставался сексизм, дискриминация по признаку пола: контекстуально или прямо утверждается, что женщина – не совсем человек. А моделью и критерием человека выступает мужчина. Женщина глупее мужчин, эмоциональнее, меньше способна к руководству и организации, при этом хитра, лжива,

ленива, мстительна, эгоцентрична «по природе своей», и место ее – на кухне (о женщинах – железнодорожных рабочих, трактористках и шахтерках-метростроевках скромно молчали в последние советские годы, но шумно восторгались ими в 1930–1950-е годы). Такой код сексуальности И.С. Кон назвал бесполом сексизмом. Тело вообще выступало как производственная и детопроизводящая функция, как символ Родины и ее «честь» (тела спортсменов и спортсменок), как функция военных манипуляций – коллективное тело, что как-то сублимировало утрату тела индивидуального: «каков бы я ни был сам по себе, в рамках группового “мы, мужики” я силен и непобедим. “Русский мужчина-конь скачет, скачет, его несет, он сам не понимает, куда он скачет, зачем и сколько времени он скачет. Он просто скачет себе, и все, он в табуне, у него алиби: все скачут, и он тоже скачет”» [13]. По свидетельству Марии Арбатовой, протест против пуританского официального советского телесного кода в позднесоветское время выражался в ее среде в виде практикуемой сексуальной свободы – эдаким кукишем в постели.

Именно с таким наследием Россия вступила в эпоху радикальных перемен в общественной жизни. Язык немедленно отразил новые времена: например, слова «насилие», «возбуждение» или «кончить» стали употребляться и восприниматься прежде всего и преимущественно в их сексуальных коннотациях. Маятник качнулся в противоположную сторону: теперь возникли и расцвели сексистские эротические СМИ, сексистская сексуализированная мода, сексистская сексуализированная политика. А что существует в реальности, то разрастается и в медиа, и чем более сильный импульс феномен имеет вовне, тем скорее и пышнее, в геометрической прогрессии, так сказать, он возрастает в медиа. Сегодняшняя мода на трансформацию тела в России вызвана не просто новыми технологическими возможностями, но она включает в себя и семантический обертон коммунистической идеи «нового человека». Сегодняшняя сексуальность в России – это не субъект-субъектные, а объект-объектные отношения. Сегодняшняя политика в России – это сексистская *politics sexu*. Иными словами, телесность и сексуальность стали публичными, но, как и прежде, остались сексистскими.

И если в 1990-е годы в большинстве европейских стран вследствие феминистской революции сексуальная свобода уже выражалась в отсутствии репрессий и публичных анафем «за аморальное поведение», в интерпретации сексуальной свободы как свободных общественно приемлемых партнерских отношений, являющихся частным делом каждого, притом каждый, в том числе и политик, может делать свою частную жизнь достоянием гласности или не делать, то в постсоветской России произошла регрессия к открытому (прежде во многом латентному) и совершенно патриархатному сексуальному коду. То есть «кукиш» был вытасчен из «постели» и стал признаком продвинутой, как

бы европейскости. Об этом говорит, например, исследовательница гендерных проблем Елена Гапова, упоминая выборы Ельцина в 1996 г.: «Никита Михалков сказал фразу, которая меня потрясла, потому что Ельцин считался представителем демократического направления, такого модернизационного, новой демократии, на которую все тогда смотрели с ожиданиями. И Михалков сказал такую фразу: “Ельцин – мужик, а Россия – существительное женского рода”. И для меня это было ужасным открытием, потому что эта фраза абсолютно недемократическая, она абсолютно патриархатная, она связана с традиционалистскими ценностями, она связана с абсолютно другой организацией государства. Демократия как представительство народа и смена власти – это одно, а та власть, когда сильный мужик подчиняет под себя нацию – это нечто абсолютно другое, конечно же. <...> У нас, в отличие от того, что происходило на Западе в 60–70-е годы, когда сексуальность становилась более свободной в виду демократизации, происходит процесс выстраивания новых неравенств» [14]. Замечу здесь в скобках, что сходная образность в разных культурах, тем не менее, может иметь неоднозначные отношения с социальной реальностью. В России Серебряного века сравнение страны с женщиной, требующей суровой, дисциплинирующей, придающей форму бесформенной женственной стихии мужской руки, было топосом, общим местом. А, например, до сих пор популярный у финнов образ «девы Финляндии» не помешал установлению тут гендерного равенства. И в другом месте у того же автора – позволим себе объемную выписку: «Посткоммунизм уже произвел некоторое количество “сильных мужчин” или, вернее, мужчин, которых никогда не обвиняют в слабости. Это “новые богатые”. <...> Даже не обязательно являясь физически сильными, они, тем не менее, всегда видятся мужественными. Их мужественность, основанная на обладании ресурсами, обязательно включает и контроль над женщинами: с одной стороны, интенсивное сексуальное потребление женщин, с другой – их “одомашнивание”: защиту, заботу и помещение внутрь частной сферы. Эти тенденции кажутся противоречащими друг другу, но на самом деле являются двумя сторонами одной стратегии, просто применяемой по отношению к разным группам женщин. Визуализация мужской сексуальной мощи, происходящая при сексуальном потреблении женщин, является эффективным способом “артикуляции” классовой принадлежности, потому что связана с покупкой женщин <...> Даже не обязательно являясь физически сильными, они, тем не менее, всегда видятся мужественными. Их мужественность, основанная на обладании ресурсами, обязательно включает и контроль над женщинами: с одной стороны, интенсивное сексуальное потребление женщин, с другой – их “одомашнивание”: защиту, заботу и помещение внутрь частной сферы. Эти тенденции кажутся противоречащими друг другу, но на самом деле являются двумя сторонами одной стратегии, просто применяемой по отношению к разным группам

женщин. Визуализация мужской сексуальной мощи, происходящая при сексуальном потреблении женщин, является эффективным способом “артикуляции” классовой принадлежности, потому что связана с покупкой женщин. <...> Владение женщинами и их потребление есть классовый маркер, который выполняет функцию наделяния маскулинностью как атрибутом “западного”, т. е. капиталистического – в смысле обладания ресурсами, возможностей получения дохода и способов потребления – класса. По сути дела, “я мужчина, т. к. могу себе позволить женщину”, т. е. принадлежу к определенному классу, а ограничение доступа женщин к ресурсам, в том числе как жен, которых полностью обеспечивают, и маркирование их в качестве “непроизводительных” и предметов обмена встроено в процесс формирования класса. Женщины, которые репрезентируют класс, публично утверждают свой экономический статус не через покупку мужчин, т. к. это дискредитировало бы их женскую привлекательность, но через свободу сексуального выбора. Ирина Хакамада, сказав в телепередаче “Квартирный вопрос” (2002 г.): “Я люблю нравиться мужчинам, поэтому я хорошо одеваюсь. Я люблю свое тело, поэтому я занимаюсь спортом”, подтвердила свою статусность. Для женщин иного класса, если они решаются признаваться в любви “ко всем мужчинам”, в культуре заготовлено особое слово» [15]. С таким классовым подходом трудно согласиться вполне, но тут есть над чем подумать. Женщина сегодня в России – это даже не сексуальное, а бюстогенитальное тело. Мужчина – тот, кто обладает ресурсами. И неважно, что его тело, например, дрябло и разительно отличается от традиционного или очередного новейшего образа маскулинности, не обладает сексуальной привлекательностью – политики и новые русские (что почти тождественно, это подмножество и множество) выставляют его напоказ, ибо купили себе право считаться в восприятии соотечественников «настоящими мужчинами». Между тем женское тело обязано иметь «товарный» вид, открыто демонстрируемый, – ибо оно товар и есть: принадлежность и функция для «настоящего мужчины». Характерно, однако, что в России такой дискурс используется одновременно и для создания собственного положительного имиджа политика и государственного деятеля, и для дискредитации имиджа политических оппонентов, то есть в одних случаях перемещение частной сферы жизни в сферу публичную украшает имидж политика, в других же, напротив, его обезображивает. Примерами могут служить видеозапись «с человеком, похожим на Генерального прокурора РФ», показанная по Центральному телевидению, снятый скрытой камерой и размещенный в Интернете ролик про «секс вчетвером» с участием В. Шендеровича и др. Иными словами, если ты «наш», обладаешь ресурсами, т. е. «настоящий мужчина», то тебе дозволено употреблять женщин теми же способами, как и «нам»; если ты ресурсами не обладаешь, то ты не «настоящий мужчина», ты «стигматизированный чужой», телесность и сексуальные приключения тебе не

дозволяются. Акции топless украинской группы FEMEN, проводимые в разных странах, в том числе и в России, также наглядно обнаруживают «отелеснивание» политики: о каких бы целях акции ни шла речь – защита свободы слова, протест против проституции, против насилия в отношении женщин, в поддержку мусульманок и против дискриминации женщин на Востоке, антипутинская, антицерковная, – все они осуществляются женщинами-активистками группы практически обнаженными, по пояс или в одних трусиках. Группа «Pussy Riot», участницы которой также подчеркивают политический характер своей деятельности, дважды появлялись в православных храмах Москвы и в других неожиданных местах вроде Лобного места на Красной площади, предполагающих хоть как-то соответствующий ситуации дресс-код и код поведения, в эпатажных костюмах с эпатажными действиями и словами. Общество разделилось: одни называют их деятельность хулиганством и непристойностью, осквернением святынь и оскорблением чувств верующих, требуя наказания по закону, другие говорят о свободе слова и неподсудности их деяний по причине декларируемых властями политических свобод. Известно, что одно и то же технологическое новшество в разных культурах может приводить к разительно противоположным результатам – как в Африке, когда европейские колонизаторы попробовали повысить расценки за единицу производимой продукции в расчете на повышение производительности труда – очень европейский расчет, – а у африканцев это привело к резкому снижению производительности, ибо они предпочитали зарабатывать прежние деньги, работая меньше. Аналогичные процессы произошли с внедрением Интернета. Где-то этот технологический переворот способствовал развитию демократических трендов и популяризации идей гендерного равенства, в России же во многом – наоборот.

Регресс к более ранним ступеням развития общества после распада СССР и массовое внедрение Интернета и привели к формированию специфического российского феномена сексистской сексуализированной политики.

Специалист по массовым коммуникациям М. Маклюэн, как известно, разделял их на «горячие» и «холодные» средства.

«Горячие» медиа характеризуются следующими свойствами:

1. расширением одного чувства;
2. высокой определенностью (близкой к законченности);
3. малой вовлеченностью аудитории.

Среди «горячих» медиа Маклюэн называет радио, кино, фото.

Для «холодных» медиа свойственно:

1. расширение многих чувств;

2. низкая определенность (незавершенность);

3. высокая вовлеченность аудитории.

Среди «холодных» медиа Маклюэн перечисляет телефон, телевидение, комикс.

Он пишет: «Есть основной принцип, отличающий такое горячее средство коммуникации, как радио, от такого холодного средства, как телефон, или такое горячее средство коммуникации, как кино, от такого холодного средства, как телевидение. Горячее средство – это такое средство, которое расширяет одно-единственное чувство до степени “высокой определенности”. Высокая определенность – это состояние наполненности данными. Фотография, с визуальной точки зрения, обладает “высокой определенностью”. Комикс же – “низкой определенностью”, просто потому, что он дает очень мало визуальной информации. Телефон является холодным средством коммуникации, или средством с низкой определенностью, так как ухо получает скудное количество информации. Речь тоже является холодным средством с низкой определенностью, поскольку слушателю передается очень мало, и очень многое ему приходится додумывать самому. С другой стороны, горячие средства коммуникации оставляют аудитории не очень много простора для заполнения или довершения. Горячие средства характеризуются, стало быть, низкой степенью участия аудитории, а холодные – высокой степенью ее участия, или достраивания ей недостающего. А потому естественно, что горячее средство коммуникации, например радио, оказывает на пользователя совершенно иное воздействие, нежели холодное средство, например телефон» [16].

Совершенно очевидно, что в такой терминологии Интернет, в отличие от ТВ, – не просто «холодное» средство массовой коммуникации, но прямо-таки ледяное. То есть Интернет:

1. будучи мультимедийным средством массовой коммуникации, является расширением многих чувств;

2. характеризуется низкой определенностью и

3. глубочайшей вовлеченностью аудитории, небывалой интерактивностью.

Из базовых потребностей человека сексуальность востребует наибольшее количество органов чувств, все пять – в отличие от потребности в пище и сне. Интернет еще и усиливает («расширяет») эти чувства, т. е. действует как афродизиак. Расширяет настолько, что человек, постоянно «сидящий» в Интернете, способен забывать и про сон, и про еду, и про реальный секс, будучи глубочайшим образом вовлеченным в процесс достраивания интернет-информации посредством собственной фантазии – таковой уж, какой обладает. Россия – страна сексистская. А Интернет лишь «удлиняет руки», расширяет возможности того тренда, который существует в реале, предоставляет простор

для творчества всякого рода и возможность, «дотянувшись» этими «длинными руками» практически до кого угодно, так или иначе влиять на адресата и на массовую аудиторию. Ведь Интернет – такой ресурс, по сравнению с которым бледнеют и административный ресурс, и денежный. Собственно, бесконечное и практически не подцензурное тиражирование такого рода текстов и видео в Интернете, с возможностями для каждого пользователя разыскать и произвести неограниченное количество подробностей, сюжетов, реальных или фантазийных, с невероятно мощной вовлеченностью аудитории в процесс, и создает феномен *politics sexu*. Тут, конечно, включается и хорошо известный социологам механизм формирования слухов, когда при каждом шаге, от адресанта к адресату и далее к следующему адресату, даже соответствующая реальности информация и даже при субъективном желании коммуникаторов передавать информацию точным образом, сообщение изменяется, трансформируется и в конце концов превращается в нечто, крайне мало похожее на исходный текст (текст в широком, лотмановском смысле слова). При преимущественной анонимности общения в Интернете ограничения на произвольное искажение информации снимаются вовсе, скорость тиражирования информации и количество коммуникаторов оказываются несравнимыми с ситуацией устной передачи информации в реальности, «из уст в уста», в результате чего в виртуале циркулирует огромное количество сообщений, не имеющих отношения к сообщению исходному (несмотря на то, что искажения при трансляции информации устным образом существенно большие, чем при письменной ее передаче), ибо тут каждый – автор.

Таким образом, и прежде всего на российском ТВ и в Рунете в силу их «холодности», по определению М. Маклюэна, происходит сексистская сексуализация политики (и политиков) и одновременно зрителей и пользователей Сети – при регрессии российского сознания к сексуальности древних обществ, когда вождь-правитель-колдун обеспечивал жизнь космоса в целом и общества в частности, выступал гарантом плодородия земли и людей [17]. При этом старость и болезнь вождя-правителя-колдуна (в ряде случаев «старость» наступала уже по причине «истечения срока полномочий») грозила гибелью космосу и сообществу, и тогда совершалось ритуальное убийство вождя-царя-бога, замена его другим, молодым и здоровым. Регрессия к архаическим формам презентации, как выясняется, чревата самыми неожиданными аналогиями

Список литературы:

1. *Георгий Кнабе*. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Rock_music.html (дата обращения: 03.12.2012).

2. *Вадим Перфильев*. Секс и политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/05/30/51036819.html> (дата обращения: 03.12.2012).
3. Политики, поплатившиеся за секс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/photo/20110517/169469871.html> (дата обращения: 03.12.2012).
4. *Павел Шеремет*. Роскосмос как бордель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pavelsheremet.livejournal.com/150582.html> (дата обращения: 03.12.2012).
5. В Думу прошли миллионеры и члены правительства. На Западе отметили депутата из Playboy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.7info.ru/index.php?nn=1324029679> (дата обращения: 03.12.2012).
6. Путин больше не завидует Кацаву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sem40.ru/index.php?newsid=216291> (дата обращения: 03.12.2012).
7. *Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко*. Смех в Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/smeh/panchenko_smech.htm (дата обращения: 03.12.2012).
8. *Юрий Кублановский*. От Озириса – к Апокалипсису [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/3/obz_kubl.html (дата обращения: 03.12.2012).
9. *Дмитрий Горин*. Ближе к телу: о некоторых особенностях репрезентации постсоветской реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/1/g6-pr.html> (дата обращения: 03.12.2012).
10. *В. Паперный*. Культура Два [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/03.php (дата обращения: 03.12.2012).
11. *О. Гурова*. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/sovniz.html> (дата обращения: 03.12.2012).
12. *В. Паперный*. Культура Два [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/02.php (дата обращения: 03.12.2012).
13. *И.С. Кон*. Мужчина в меняющемся мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookap.info/vozrast/kon_muzhchina_v_menyayushchemsya_mire/gl19.shtm (дата обращения: 03.12.2012).
14. Этика физического обнажения политиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24492559.html> (дата обращения: 03.12.2012).
15. *Елена Гапова*. О гендере, нации и классе в посткоммунизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pigbig.livejournal.com/6464.html> (дата обращения: 03.12.2012).
16. *Маршалл Маклюэн*. Понимание медиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528/3531> (дата обращения: 03.12.2012).

17. Дж.Дж. Фрэзер. Золотая ветвь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Frezer/index.php (дата обращения: 03.12.2012).

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://s017.radikal.ru/i413/1111/7e/e1ef041465a0.jpg> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 1. Б.Н. Ельцин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nechtoportal.ru/gallery/slideshow-355-25372-5000.html> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 2. Царь Лев и царица Феофания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://days.pravoslavie.ru/Images/ii2728&1254.htm> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 3. Битлз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.beatles-group.ru/> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 4. Барак Обама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://warnet.ws/news/27589> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 5. В.В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fotki.yandex.ru/users/renarenarena/view/110177/?page=0> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 6. В.В. Жириновский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://warnet.ws/news/27589> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 7. Сильвио Берлускони [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://warnet.ws/news/27589> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 8. Анна Ведищева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.carmenmodels.ru/models/2/71/index.php> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 9. Алина Кабаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://world-stars.ru/alina-kabaeva-alina-kabaeva/> (дата обращения: 03.12.2012).

Ил. 10. Светлана Хоркина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=49770 (дата обращения: 03.12.2012).

Источник: *Культура в современном мире. — 2013. — № 1. — [Электронный ресурс]. —* Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>